

РОССИЯ ПЕРЕД ВЫБОРОМ: ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ УКРЕПЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ МОСКВЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ФАКУЛЬТЕТА
МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
ФГБОУ ВПО «МГУ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА»

Алексей Валериевич
Фененко

На протяжении последних 15 лет приоритетом России в СНГ было выстраивание собственного интеграционного проекта. Украинский кризис поставил перед Москвой новые проблемы. Первая: как выстроить отношения со странами бывшего СССР, проводящими последовательную антироссийскую политику. Вторая: как выстроить политику в СНГ в условиях консолидированной позиции Запада в отношении российских попыток изменить статус-кво на территории бывшего СССР. Третья: целесообразно ли идти на ревизию границ 1991 года. В среднесрочной перспективе основой российской политики в СНГ станет поиск ответа на эти вызовы.

Эти проблемы проявились еще в середине 2000-х годов. Их частичное обострение произошло в период российско-грузинской конфронтации, завершившейся «пятидневной войной» в августе 2008 года. Однако в то время российское общество воспринимало конфликт с Грузией скорее как результат российско-американской конфронтации, чем как нарастание трудностей в СНГ. Украинский кризис доказал обратное. Россия, помимо соперничества с Соединенными Штатами, сталкивается с серией негативных процессов в полосе бывшего СССР. Противодействие этим процессам потребует от Москвы выработки качественно новых механизмов проведения внешней политики в СНГ.

«ПОСТСОВЕТСКАЯ» СРЕДА

В российском политическом лексиконе для обозначения территории бывшего СССР принято использовать термин «постсоветское пространство». Однако с аналитической точки зрения такое понятие безнадежно устарело. Приставка «пост-» означает нечто переходное, следующее сразу за определенным событием, в данном случае за демонтажем СССР в декабре 1991 года. Спустя четверть века трудно говорить о «неопределенной ситуации» или «переходном периоде». Неопределенность осталась в первой половине 1990-х годов со всеми их трудностями и тревогами. К середине 2010-х годов на территории бывшего СССР сложилось несколько автономных подсистем международных отношений, для каждой из которых характерна собственная логика развития.

В этой связи корректнее использовать понятие «территория/пространство бывшего СССР». Говорить о преодолении «советского наследия» для этого пространства преждевременно. До настоящего времени сохраняется ряд факторов, предопределяющих его единство.

Во-первых, территории и границы «постсоветских» стран сложились в рамках Союза ССР. Их легитимность завязана на Декларации о суверенитете 1989–1990 годов и институте правопреемственности в отношении союзных республик. (Неслучайно в правовых актах их границы обычно указаны по состоянию на 1 января 1989 или 1 января 1990 года.) В международном праве все они являются правопреемниками СССР и только Россия – его государством-продолжателем. Отказ от советского наследия автоматически поставит под сомнение границы бывших союзных республик.

Во-вторых, на территории бывшего СССР действует система общих экономических связей, основанная на советской инфраструктуре. Ни одной из бывших республик (включая Прибалтийские страны) пока не удалось отказаться от взаимодействия с другими «постсоветскими» странами или присоединиться к иной экономической системе. (Основой экономики Прибалтийских

стран выступает прежде всего транзит российских углеводородов и использование портов, то есть инфраструктуры бывшего Советского Союза.)

В-третьих, во всех «постсоветских» государствах у власти находится поколение политиков, родившихся в Советском Союзе. Элита этих стран получила советское образование в рамках советского культурного пространства. Лидеры этих стран могут по-разному относиться к советскому проекту. Однако все они так или иначе обращаются к историческому опыту СССР, обосновывая им свои идеологические послы как в позитивном, так и в негативном ключе.

В-четвертых, между республиками бывшего СССР сохраняется языковая общность. Элита этих стран сохраняет знание русского языка, который остается основным языком для коммуникации. Молодые политики, получившие англоязычное образование в США и Британии, пока не находятся у власти. (Исключение составляет только особый случай Грузии 2000-х годов, где администрация М.Н. Саакашвили предприняла шаги по ускоренной переориентации на англоязычное пространство.)

Отношение руководства и общественности бывших республик СССР к советскому наследию при этом неоднозначно. В настоящее время можно выделить три группы «постсоциалистических» стран, по-разному позиционирующих себя по отношению к наследию СССР:

- подчеркивающие свою преемственность с Советским Союзом (Россия, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан);
- относящиеся к советскому наследию нейтрально-исторически (Армения, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Киргизия);
- постулирующие максимально возможный разрыв с советским прошлым (государства Прибалтики, Украина, Молдавия, Грузия).

На протяжении последних 20 лет взаимоотношения между этими тремя группами стран определяли политику на территории бывшего СССР. Россия предлагала интеграционные проекты и пыталась их реализовать со странами первой группы. Страны третьей группы пользовались поддержкой США и некоторых стран ЕС, которые пытались отделить их от России. Страны второй группы или сближались с российскими проектами (Армения, Киргизия), или реализовывали относительно успешную стратегию балансирования (Туркменистан, Узбекистан, Азербайджан).

РОССИЙСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

На этом фоне российское руководство пыталось выработать целостную концепцию отношений с «постсоветскими» странами. За последнюю четверть века российская политика на территории бывшего СССР прошла в своем развитии три этапа.

Первый этап (1992–1998 годы) был связан с попытками сохранить «постсоветское пространство» как целостную систему. Основным инструментом для этого

выступало Содружество Независимых Государств. Российская дипломатия действовала по двум направлениям. Первое – укрепление институциональной структуры СНГ через присоединение к нему как можно большего числа государств. Второе – создание единой системы коллективной безопасности через механизм Ташкентского договора 1992 года. Дополнением к нему выступала практика российского миротворчества в замороженных конфликтах на территории бывших союзных республик: Молдавии, Грузии и Таджикистана. Последнюю попытку сохранить единое пространство СНГ российская сторона предприняла на Кишинёвском саммите глав государств Содружества 28 марта 1997 года. В его ходе президент Б.Н. Ельцин презентовал программу развития интеграции в СНГ.

Финалом этого этапа стало ослабление институтов СНГ в 1998–1999 годах. Еще в 1997 году на конференции в Страсбурге возник блок ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия), направленный на противодействие России. В августе 1998 года на неформальном саммите глав государств СНГ в Форосе было решено сократить полномочия исполнительного секретариата СНГ. Стало понятно, что лидеры стран СНГ ни при каких условиях не поддержат единый интеграционный проект в рамках Содружества.

Второй этап (1999–2010 годы) стал временем выстраивания Россией собственного интеграционного проекта. Речь шла о создании устойчивого интеграционного ядра в целях развития всестороннего взаимодействия с Москвой. Этапами для достижения этой цели стали создание Союзного государства России и Белоруссии (1999 год), ЕврАзЭС (2002 год), ОДКБ (2003 год) и Таможенного союза (2010 год). Последний, правда, оказался уменьшенным вариантом ЕврАзЭС. Однако России удалось сохранить за Таджикистаном, Киргизией, Арменией статус ключевых партнеров. Эти страны заявили о намерении в будущем добиваться поста участников Таможенного союза.

Неудачи российской политики были связаны с попытками вовлечения Украины в интеграционные проекты. Принятый в 2003–2004 годах план Единого экономического пространства (ЕЭП) создавался с расчетом на привлечение к нему Киева. «Оранжевая революция» 2004 года заморозила реализацию плана ЕЭП на 3 года. Попытки перейти к «энергетическому партнерству» с правительством Ю.В. Тимошенко завершились «газовым кризисом» в январе 2009 года. Большие надежды Москва возлагала на кандидатуру В.Ф. Януковича. Одна его администрация поддержала решения Сопотского саммита «Восточного партнерства» (Польша, 24–25 мая 2010 года). Украина продолжила переговоры о выработке соглашения об ассоциации с ЕС, что, по сути, делало невозможным ее участие в Таможенном союзе. Киев по факту блокировал любые интеграционные инициативы в формате СНГ.

Россия столкнулась с активизацией на территории СНГ других субъектов. С КНР российская дипломатия пошла на альянс, создав в Центральной Азии совместную зону безопасности без участия США. На-

против, стратегия «расширения демократии» администрации У. Клинтона (1993–2000 годы) воспринималась в Москве как стратегия «выдавливания» России с «постсоветского пространства». Противоречия обозначились в ходе переговоров вокруг расширения НАТО на восток в середине 1990-х годов. Превращенной формой этого соперничества стали «цветные революции» 2003–2005 годов.

Не менее жесткая борьба развернулась вокруг американского присутствия в Центральной Азии. В 2002 году администрация Дж. Буша попыталась размыть узорегиональный характер Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), предложив предоставить США статус наблюдателя в ШОС. Россия, КНР и Казахстан высказались против американской инициативы. Узбекистан, напротив, поддерживал в данном вопросе Вашингтон. Противоречия едва не сорвали принятие устава этой организации на Санкт-Петербургском саммите 7 июня 2002 года.

На третьем этапе (с 2011 года по настоящее время) Россия начала переговоры о расширении Евразийского союза. Речь, по сути, шла о выходе за пределы «интеграционного ядра» ЕврАзЭС. Летом 2012 года российская дипломатия вела переговоры о возможном присоединении к Евразийскому союзу с Киргизией, Узбекистаном, Азербайджаном, Молдавией, Арменией и Украиной. Первый их раунд закончился согласием Армении и Киргизии на присоединение к проекту.

Однако Москва столкнулась с более жестким противодействием США и стран ЕС. Госсекретарь Х. Клинтон 8 декабря 2012 года прямо заявила о намерении Соединенных Штатов препятствовать интеграционным процессам на территории бывшего СССР. Евросоюз после Варшавского саммита 29 сентября 2011 года ускорил реализацию программы «Восточное партнерство». Она объективно предполагала экономический отрыв от России Белоруссии, Украины, Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджана. Результатом столкновения двух интеграционных проектов стал украинский кризис 2013–2014 годов.

Для укрепления своего влияния России предстоит не просто выработать привлекательный интеграционный проект, но фактически заблокировать экспансию других субъектов на территорию бывшего Советского Союза.

ЕВРАЗИЙСКИЕ ТРУДНОСТИ

У Москвы сохраняются противоречия с участниками создающегося Евразийского союза. Партнеры России видят его менее жестким и интегрированным объединением, чем Кремль. Осенью 2013 года президент Белоруссии А.Г. Лукашенко заявил, что в Ев-

разийском союзе нет необходимости в единой валюте и «наднациональных надстройках». Президент Казахстана Н.А. Назарбаев в ходе саммита стран – участников Таможенного союза (декабрь 2013 года) предложил распустить Евразийское экономическое сообщество ввиду начала действия Таможенного союза. Он же выступил против «политизации Евразийского союза». По его мнению, не следует включать в соответствующий договор «положения, выходящие за пределы экономической интеграции».

Меняется и характер российско-белорусских отношений. Создание конфедеративного Союзного государства отодвинуто на неопределенный срок. Последние 6 лет в отношениях между Москвой и Минском регулярно возникали дипломатические конфликты: от цен на газ до согласия Белоруссии участвовать в программе ЕС «Восточное партнерство». Конфликты были разрешены. Однако на фоне растущего приграничного сотрудничества Белоруссии с Польшей и Литвой нельзя исключать, что Минск может скорректировать вектор интеграции.

Переговоры о расширении Евразийского союза за пределы ЕврАзЭС пока принесли ограниченные результаты. Успехом завершились только прошедшие в сентябре 2013 года переговоры с Ереваном. Это доказывает, что на «постсоветском пространстве» возникла группа стран, которые не готовы принять российские проекты интеграции. Азербайджан, Узбекистан, Туркмения пока не стремятся к вступлению в Евразийский союз, но и не отрицают интеграцию как таковую. Москве предстоит найти формулу взаимодействия с этими странами, которая позволит сохранить партнерский вектор отношений без их присоединения к ЕврАзЭС.

БАЛТИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН

Изменение границ Украины повлечет за собой обострение межгосударственного соперничества во всем Балтийско-Черноморском регионе. Еще в 1998 году российский политолог В.Л. Цымбурский придумал термин «балтийско-черноморская конфликтная система». Его он использовал для описания соперничества России, Швеции, Речи Посполитой и Османской империи в XVI–XVIII веках. Сегодня это понятие возрождается.

Формирование обновленного Балтийско-Черноморского региона, или Междуморья¹, началось в 1990-х годах. В 1993 году помощник президента США по национальной безопасности Э. Лейк провозгласил концепцию расширения демократии. Она предусматривала подключение бывших социалистических стран и советских республик, кроме России, к трансатлантическим институтам. Для ее реализации администрация Билла Клинтона запустила в 1994 году процесс расширения НАТО на

¹ Проект конфедеративного государства, которое включало бы Польшу, Украину, Белоруссию, Лит-

ву, Латвию, Эстонию, Молдавию, Венгрию, Румынию, Югославию, Чехословакию, а также, возможно,

Финляндию, выдвинутый Юзефом Пилсудским после Первой мировой войны. Эта конфедерация долж-

на была простирается от Черно-го и Адриатического морей до Балтийского, отсюда и название.

восток. Кремль заявил о категорическом неприятии расширения. Между РФ и НАТО появилось пространство соперничества – Балтийско-Черноморский регион, простирающийся от Финляндии до Закавказья.

Первую попытку определить правила игры в Междуморье Москва и Вашингтон предприняли в рамках основополагающего акта Россия – НАТО 1997 года. Страны НАТО пообещали не размещать на территории новых членов крупные воинские контингенты и ядерное оружие. Россия обязалась не угрожать безопасности этих стран и не разворачивать на границе с ними войска. 6 мая 1997 года Россия и НАТО согласовали в Люксембурге адаптированную версию Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Европа была поделена на сеть уровней и подуровней с нормированным количеством вооруженных сил.

Второй раз вопрос о правилах взаимодействия в Междуморье возник в середине 2000-х годов. К этому времени в НАТО вступили государства Прибалтики, Словения, Словакия, Румыния и Болгария. Параллельно эти страны присоединились к ЕС. «Цветные революции» в Грузии и на Украине привели к беспрецедентному сближению Киева и Тбилиси с НАТО. В Москве опасались, что США стремятся распространить влияние альянса на весь регион.

Очередной раз проблема смены правил игры в Междуморье встала в связи с началом реализации программы ЕС «Восточное партнерство». Она предусматривала ускорение политического объединения и углубление экономической интеграции между Евросоюзом и Арменией, Азербайджаном, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной. Для России она представляет опасность ввиду возможного передела Балтийско-Черноморского региона. Во-первых, заключение странами СНГ соглашений о свободной торговле и о партнерстве с Евросоюзом сделало бы невозможным их участие в Таможенном союзе. Во-вторых, вынудило бы Россию построить с ними полноценную государственную границу. В-третьих, возведение полноценных границ обострило бы вопрос о статусе непризнанных государств: Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха.

Решения Уэльского саммита НАТО 4 сентября 2014 года доказали, что альянс намерен развернуть ограниченную силовую инфраструктуру в Балтийско-Черноморском регионе. На практике это означает частичный пересмотр решений основополагающего акта Россия – НАТО. Возможно, в ближайшие годы стороны смогут договориться о его ревизии. Но нельзя исключать варианта его обвала. Возникает опасность начала игры без правил в Междуморье.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОШЛОГО

Тревожной остается ситуация в Центральной Азии, где с начала 2010-х годов активизировалась американская дипломатия. В конце 2000-х годов Россия

и КНР взяли курс на усиление ШОС. Действия Москвы и Пекина вызвали настороженное отношение Узбекистана. У узбекской элиты появились опасения, что Центральная Азия станет сферой влияния Москвы и Пекина.

Соединенные Штаты используют окно возможностей для возвращения в Центральную Азию. 11 мая 2011 года помощник госсекретаря Р. Блейк указал, что Вашингтон прорабатывает два варианта. Первый – предоставление Вашингтону статуса наблюдателя ШОС. Второй – получение США статуса партнера по диалогу с ШОС. Последний не предполагает доступа к закрытым документам организации. Но партнер может ознакомиться с их содержанием по запросу к одному из членов ШОС.

За минувшие 3 года Вашингтону удалось наладить военно-политический диалог с Узбекистаном. (Последний в 2012 году вышел из состава ОДКБ.) Администрация Б. Обамы также заявила о поддержке энергетической стратегии Туркмении, прежде всего проектов экспорта углеводородов к Индийскому океану. Заработала Комиссия по стратегическому партнерству США и Казахстана на уровне госсекретаря и министра иностранных дел. Россия и КНР опасаются повторения сценария 2002 года, который создал кризис для ШОС.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ

До украинского кризиса Москва использовала на «постсоветском пространстве» три механизма усиления влияния:

- механизм «мягкой силы» в виде выдвигания привлекательных интеграционных проектов и предоставления экономических (прежде всего энергетических) преференций;
- механизм «элитной поддержки»: работа с теми сегментами элиты, которые ориентированы на взаимодействие с Россией;
- силовые механизмы: предоставление гарантий безопасности союзникам и одновременно использование замороженных конфликтов для воздействия на страны третьей группы (см. выше).

Такая стратегия была адекватна для создания «интеграционного ядра». Однако она не подходит для блокировки негативных воздействий внешних субъектов и для усиления Евразийского союза.

За минувшие годы сформировалась группа стран, ориентированных на отторжение от России. Наиболее ярко это явление прослеживается в Грузии и на Украине, в меньшей степени – в Молдавии. На протяжении 25 лет эти страны выстраивают свою идентичность, противопоставляя себя России. Идеологической формой этого процесса выступает полное отрицание советского наследия и негативный взгляд на историю взаимоотношений с Россией. В активную политическую жизнь вступает поколение, не готовое позитивно воспринимать никакой образ России. Опыт конфликтов в Южной Осетии и на Донбассе доказал готовность подобных радикалов идти вплоть до

этнических чисток в отношении лояльных России этносоциальных групп.

Отечественные эксперты 10 лет назад немало размышляли над тем, как не проиграть «битву за умы» будущей элиты стран СНГ. В то время США с помощью системы грантов и образовательных программ упорно переформировывали элиту Грузии, Украины, Молдавии, отчасти Азербайджана и Узбекистана. Теперь призывы действовать посредством «мягкой силы» безнадежно устарели. Возникли целые категории «потерянных» стран и территорий вроде Грузии, запада и центра Украины, Молдавии. Упор в культурной и информационной политике следует сделать на страны Евразийского союза, чтобы не потерять хотя бы основу ориентированно-го на Россию блока.

Другой проблемой стала совместная политика стран ЕС и США. Украинский кризис доказал их высокую степень взаимодействия друг с другом. Надежды конца 1990-х годов заблокировать экспансию Соединенных Штатов посредством партнерства с ЕС, Германией или Францией оказались несостоятельными. Страны Евросоюза в неменьшей степени, чем Вашингтон, не заинтересованы в пересмотре границ на пространстве бывшего СССР, для них границы 1991 года – гарантия невозможности восстановления Советского Союза.

Опыт «цветных революций» доказал, что про-российская (или умеренная) элита часто сдает радикалам власть практически без борьбы. Российская сторона оказывается заложником подписанных с умеренной элитой соглашений о партнерстве. Американская дипломатия, делая ставку на радикальные силы, оказывается в выигрыше. Возникает потребность перенастроить отношения с элитой «постсоветских» стран, отказавшись от поддержки только одного их сегмента.

Происходящий сдвиг требует от России снизить порог применения силы в пространстве бывшего СССР. Одновременно Москве следует усилить организационный ресурс для разрешения возникающих вооруженных конфликтов, а также продолжать использовать механизм «мягкой силы». Однако его роль ограничена странами – партнерами Российской Федерации по Евразийскому союзу и ЕврАзЭС. За его пределами российская общественная дипломатия может работать с отдельными группами русских, но в целом культурная политика наткнется на жесткое противодействие соответствующих стран. Новый набор механизмов российского влияния в СНГ представляет собой:

- мобильный силовой ресурс, готовый к быстрому применению;
- политико-военный ресурс (определение готовности или неготовности на применение силы);
- организационный ресурс в виде интеграционных проектов;
- информационный ресурс в виде повышения привлекательности страны.

При этом данные механизмы можно использовать в разных комбинациях. Теоретически здесь можно вычислить три возможных сценария российской стратегии в СНГ.

ГЕРМАНСКИЙ ВАРИАНТ

Наиболее радикальным вариантом выступает пересмотр границ на пространстве бывшего СССР. Механизмами для его реализации теоретически могут быть применение силы, экономическое давление и признание всех непризнанных государств. Итогом станет формирование некоего нового сообщества непризнанных и полу-признанных государств, ориентированного на Россию. Этот вариант можно условно назвать «германским» по аналогии с тем, как Пруссия в 1860-х годах переформатировала Северогерманский союз в Германскую империю.

В американском истеблишменте распространена точка зрения, что предложенная в 2006 году концепция Русского мира является идеологической подготовкой Москвы к такому варианту. Однако на сегодняшний день вероятность жесткого варианта невелика. Такой сценарий потребовал бы разрыва отношений России с Западом, к которому Москва в обозримой перспективе не готова. За минувшие 20 лет большинство «постсоветских» государств демонстрировали в конфликтах устойчивость: потеря части территорий не привела к коллапсу их государственности. Подобный сценарий, кроме того, оттолкнул бы от России всех потенциальных партнеров в СНГ.

Опасность переформатирования границ исходит скорее от реализации программы ЕС «Восточное партнерство». Создание полноценных таможенных границ обостряет проблему статуса непризнанных государств и повышает вероятность вооруженных конфликтов. Это побуждает Россию создавать эффективную военную инфраструктуру в Балтийско-Черноморском регионе.

БРИТАНСКИЙ ВАРИАНТ

Более реалистичен вариант создания нескольких сообществ на территории бывшего СССР. Россия попытается консолидировать Евразийский союз и одновременно создать ассоциированное партнерство со странами, не вошедшими в Евразийский союз: Узбекистаном, Туркменией, Азербайджаном и, возможно, Молдавией. Такой союз будет напоминать британское Содружество наций, где, помимо собственно Содружества, существуют также Королевства Содружества – 17 королевств, признающих власть британской короны.

Британский вариант серьезно ограничен внешним противодействием со стороны других держав. В условиях обострения соперничества с США и нарастания радикализма в ряде стран СНГ (прежде всего на Украине и в Грузии) процесс интеграции может перерасти в серию вооруженных конфликтов. В этом случае перед Россией встанет задача удержания механизмов Евразийского союза и ОДКБ. Однако остальная часть территории бывшего СССР в политическом плане может оказаться потеряна.

АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ

Третий вариант представляет наибольший интерес. Речь идет об использовании американского опыта для разработки интеграционных проектов. Соединен-

ные Штаты выдвигали привлекательный интеграционный проект и одновременно демонстрировали возможность ограниченного применения силы. Политические переговоры сочетались с тактикой силовых и парасиловых демонстраций. Такой вариант становится для России единственно реальным в целях удержания Евразийского союза и интеграционной инициативы в СНГ.

Ограничителем для применения американского варианта остается отсутствие у России привлекательной для всех экономической модели. Неменьшие проблемы создают колебания по поводу готовности применять силу. (Американский принцип: силу надо применять, не колеблясь, или не применять вовсе.) Реализация американского варианта означает принуждение других великих держав к признанию нового статус-кво в бывшем СССР. Это усиливает вероятность крупной силовой демонстрации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Украинский кризис означает прохождение точки невозврата. Содружество Независимых Государств перестает существовать как целостная политическая система. Вместе с этим усиливаются внутривнутриполитические трудности в тех странах, которые постулируют отказ от советского наследия. Для России в такой ситуации возникают потенциальные возможности и трудности. Первые открывают перспективу сформировать более благоприятную геополитическую ситуацию на территории бывшего Советского Союза. Вторые увеличивают риски втягивания в вооруженные конфликты. Будущее российской политики зависит от ее способности сохранить «интеграционное ядро» в СНГ и выработать действенные модели ограниченного применения силы.